

ИЛЬИНА Надежда Геннадьевна

Поэтический мир современной чувашской лирики

Специальность - 10. 01. 02 - Литература народов
Российской Федерации
(чувашская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре чувашской литературы
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор В. Г. Родионов
Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Г.И. Федоров
кандидат филологических наук
Г.А. Ермакова

Ведущее учреждение - Чувашский государственный
институт гуманитарных наук

Защита состоится "22" марта 2002 года в 14 часов на заседании
диссертационного Совета Д 212.301.03 по присуждению ученой степени
кандидата филологических наук при Чувашском государственном
университете им. И. Н. Ульянова: 428034, г. Чебоксары, ул.
Университетская, 38

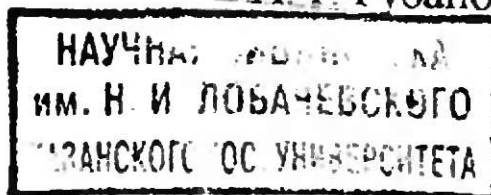
С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

Автореферат разослан "19" февраля 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

А. Р. Губанов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблемы художественности национальной литературы многократно затрагивались в работах таких исследователей чувашской литературы, как М.Я. Сироткин, А.В. Васильев-Васан, Е.В. Владимиров и др. Художественный мир прозы детально изучен профессорами Г.Я. Хлебниковым и Г.И. Федоровым. Однако еще мало появилось работ, посвященных проблемам совокупного, большого мира чувашской поэзии. Насущность решения таких вопросов зримо чувствовался в работах Н.И. Иванова и В.Г. Родионова, приложивших немало усилий к изучению творчества классиков М. Федорова, К. Иванова, М. Сеспеля, В. Митты, П. Хузангая и др. Тем не менее, литературоведение еще не представило цельную картину, особенно по лирике второй половины XX века. Создание адекватной картины развития чувашской литературы значительно затрудняется отсутствием глубоких исследований, вскрывающих особенности образно-поэтического мироощущения современной поэзии. Творчество вышеуказанных классиков оказало огромное влияние на характер художественных процессов чувашской лирики 1960-90-х гг. Это обстоятельство диктует необходимость выявления лучших традиций национальной словесной культуры, формирующих глубокие, плодотворные преобразования поэтической образности. Отсюда вытекает задача тщательного изучения индивидуально-неповторимых творческих миров. Прослеживается также настоятельная необходимость системного анализа эстетических явлений, происходящих в современной стихотворной практике, восполнения литературно-критической картины, представленной до настоящего времени в отрывочных заметках, рецензиях и в частных обзорах. Конечно, большую помощь в формировании научной концепции оказывают труды Ю. Артемьева, А. Хузангая, В. Чекушкина, М. Ставского. Однако в этих исследованиях на первый план выступает проблема содержательной стороны. Исходя из этого, диссертант основывается на положении В.В. Кожина о единстве формы и содержания. Такая теоретическая посылка наталкивает на поиск содержательных сторон жанра, сюжета, интонационного строя, образной действительности. Актуальной является и задача уяснения закономерностей психологии творчества крупных мастеров художественного слова.

В диссертации соискатель преследует цели понять и установить своеобразие эстетического мира поэзии, и через формы продуктивного его

развития раскрыть миры национальной и индивидуально-творческой манеры отдельных лириков. Соискатель стремится к уяснению инварианта художественного сознания каждого отдельного поэта. Приход в литературу мастера с новой концепцией лирического героя означает появление нового типа мышления, поэтому при анализе эстетического своеобразия индивидуального мира стихотворцев ставится задача проследить особенности внутреннего пространства произведения и его лирического героя. В процессе этого устанавливаются способы взаимоотношения между концепцией жизни, представленной в сознании конкретного субъекта и поэтического восприятия тех или иных творцов. Логика такого исследования закономеренно подводит соискателя к кропотливой характеристике отдельных типов поэтических персонажей. Вместе с тем, диссертация представляет собой системное, историко-функциональное осмысление развития чувашской национальной поэзии.

Научная новизна работы. Диссертация является практически первой работой, определяющей своеобразие творчества наиболее характерных авторов. К примеру, при исследовании поэтического мира П.Эйзина диссертанту новым представляется попытка разграничения символа и аллегории, как средств, формирующих внутреннее пространство поэтических творений. Истоки пространственного противоречия, предопределяющего развитие образной речи, предельную ее напряженность в поведении субъекта Л.Мартыановой, также корни и причины психологических противоречий в душе человека впервые исследуются. Фундаментом поэтического мира А.Атилла, по мнению соискателя, является образ "света". Лирический субъект П.Яковлева отличается в современной поэзии прежде всего тем, что он - романтик. Диссертант тщательно вскрывает особенности этой неповторимой романтичности. В той же степени в чувашском литературоведении еще не затрагивался вопрос о мотиве "одинокости" в поисках П.Яковлева. В данной научной работе диссертант, вслед за В.Г.Родионовым впервые рассматривает синхронное отражение исконно-чувашского и европейского (западного) типа мышлений в творчестве современных поэтов и считает это одним из главных факторов трагического мироощущения лирических субъектов.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды отечественных литературоведов М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, Л. И. Тимофеева, Л. Гинзбург, Т. Сильман, В. Е. Хализева и др. В формировании методологических позиций автора диссертации сыграли большую роль работы В. В. Кожина и В. В. Федорова. Диссертант опирался также на результаты исследований ученых региона В. Г. Родионова,

А. П. Хузангая, В. Чекушкина, Ю. М. Артемьева, М. Ставского. Ведущее место в исследовании занимают принципы конкретно текстового, сравнительно- исторического, типологи-ческого и сравнительного анализа.

Основным материалом для диссертации послужили сборники оригинальных поэтов (вышедшие в чувашском книжном издательстве): "Кăвайт" /Костер/ - (1976), "Сар хёвел" /Красное солнышко/ - (1979), "Anne пехил" /Благословение матери/ - (1986), "Юлашки ҫил-тăман" /Последняя метель/ - (1991) - П. Эйзина; "Илсм" /Гармония/ - (1985) - А.Аттила; "Эп чертнĕ вучах" /Пламень сердца моего/ - (1982), "Шурă юр юрри" /Песня белой снежинки/ - (1987), "Йышăнман сăмахсем" /Отвергнутые слова/ - (1991) - Л. Мартьяновой; "Тăм тăвайки вăййисем" /Игры на проталинах/ - (1985), "Уй варринче" /Среди долин/ - (1987), "Юман чĕлхи" /Язык деревьев/ - (1990), "Çавра кӳлĕ" /Круглое озеро/ - (1993) - П. Яковлева (Яккусен). В диссертации анализируются и стихотворения, опубликованные в периодических изданиях. Подстрочно-смысловой перевод текстов с чувашского на русский язык сделан автором настоящего труда.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при изучении особенностей развития чувашской литературы, при чтении курса лекций, спецкурсов, при разработке спецсеминаров для студентов, учебников и методических рекомендаций по чувашской литературе для вузов и общеобразовательных школ. Материал диссертации может помочь любому интересующемуся современной чувашской лирикой выделить идейно-художественную специфику, эстетические достоинства поэтического мира того или иного поэта.

Апробация работы. По теме диссертации велись семинарские и практические занятия со студентами. По результатам исследования делались сообщения на научно-практических конференциях преподавателей и студентов ЧГУ им. И. Н. Ульянова, опубликованы статьи и тезисы выступлений.

Структура работы подчинена целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, определяются цели и задачи, практическая значимость работы.

В первой главе ("Проблема анализа поэтического мира и ее изученность в чувашском литературоведении") диссертант сталкивается с вопросом: какой метод и прием анализа лирики имел преимущество, какие концепции вложились в основу научной разработки проблем лирики? В поисках нужного ответа исследователь пытается разобраться, в первую очередь, в сущности теоретических постулатов тех или иных методов. Так в первом разделе ("Современные методы и приемы анализа поэзии") рассмотрены такие операциональные критерии, как: формальный метод, структурная лингвистика, несколько разновидностей микросемантического анализа (звуковой, символизм, анаграммирование, поэзия грамматики и размера), уровневый подход М. Гаспарова, системный подход Б. Гончарова, сравнительно-типологический метод изучения стихотворения Т. Мальчуковой и др. Из всех методов и приемов анализа диссертанту представляются образцом глубокого исследования - работы В. В. Кожина. Нередко бывает: исследователи в части теории говорят одно, а в практике поступают иначе. У данного ученого практика вытекает из теории так естественно и убедительно, что в объективности его анализа сомневаться не приходится. Кожин делает акцент на тесной взаимосвязи формы и содержания поэзии (в вышеперечисленных видах анализа упускается из виду именно этот важный момент). "Мельчайшее изменение формы, — пишет ученый, — означает изменение содержания, смысла. И наоборот: каждый штрих, каждый нюанс смысла неизбежно осуществлен, реализован в форме"*. Автор диссертационной работы не мыслит подобное высказывание В. Кожина совершенно новым. В подтверждение этого она приводит цитаты из работ Н. Карамзина, В. Жирмунского, М. Бахтина. Возникает вопрос: как же проводить анализ поэтического текста? Поэтому здесь диссертант разделяет мнение В. Родионова, который считает учет единства содержания и формы одним из главных принципов литературоведения. Данный ученый (как и В. Кожин) утверждает, что при отдельном анализе этих двух взаимодополняющих сторон, в конечном счете, всегда необходимо делать все же синтез**. Таким образом, налицо и преимущества, которые смогут помочь в раскрытии поэтического мира современных чувашских лириков. До начала конкретного анализа диссертант считает нужным уяснить понятие "поэтический мир".

* Кожин В. В. Стихи и поэзия. - М.: Советский писатель, 1980 - с. 34

**Родионов В. Г. Долг времени (на чуваш. яз.) // Родная Волга. - 1998. -

Данный термин в науку ввел В. В. Федоров. По его мнению, целое должно мыслить всем сверхнаучным единством. Это "целое" ученый называет "поэтическим миром". У этого мира, - как отмечает исследователь, - свои природные, психологические и социальные закономерности, для которых нет (может не быть) жизненных соответствий. Федоров полагает, что исследователь подчиняется действию законов поэтического мира даже в том случае, если сознанием он улавливает противоречие между исследовательской установкой на литературное произведение и своим реальным поведением как личности, изучающей это произведение, то есть, "сознание ученого - продукт саморазвития поэтического мира"*. Диссертант считает эту мысль очень важным моментом для современного исследования: долгое время в нашей стране господствовала так называемая "вульгарная социология" - от писателей требовалось писать о партии, коммунизме, о "врагах" общества и т. д. Если русская критика и литературоведение, - замечает (в 1988 г.) В. Г. Родионов, - эту школу вульгарной социологии осудили еще в 30-е г.г., то в чувашской культуре ее корни заметны до сих пор**.

Во втором параграфе первой главы ("Изученность поэтического мира современных лириков") речь ведется о степени изученности творчества П. Эйзина, А. Агтила, Л. Мартьяновой, П. Яковлева и др.

Исследователь соглашается с концепцией В. Г. Родионова. Действительно, хотя общий тон анализа не так груб и категоричен как в 20-50-е г.г. (современные критики стараются это делать более корректно - свои претензии предъявляют намеками, типа "хотелось бы побольше стихов о героях сегодняшнего дня"), все же навязывание своего мнения вульгарно-социологи-характера наблюдается вплоть до 90-х г.г. К сожалению, восхваление тех, кто пишет о "великой стройке, об ударниках труда (не замечая низкопробность), наблюдается и в работах видных литературоведов. Например, А. В. Васильев-Васан видит художественную завершенность, совершенство поэтических произведений у тех авторов, которые пишут о партии, о Ленине. Весь характер исследования Васильева-Васана в своей книге "Радость вдохновения" /1987/ говорит о том, что он довольствуется поверхностным подходом к рассмотрению поэтических процессов. В другой

*Федоров В. В. Поэтический мир реальности.- М.: Сов. Писатель, 1984.- с.16

**Родионов В.Г., там же. - с.53

статье*, данный же исследователь сравнивает стихи одного из своеобразнейших поэтов П. Эйзина с реальной жизнью, и не находя жизненных соответствий, умаляет ценность стихов данного поэта. Однако, "у каждого поэтического мира свои природные, психологические и социальные законы". И П. Эйзин строит "свой мир со своими законами". Вряд ли, к примеру, обязательно, чтобы его стихотворение "Писен" (Осот), соответствовало жизненному опыту, мировоззрению Л. Волкова, который иронизирует по поводу наделения поэтом полевого осота эстетической красотой. Критик говорит, что в жизни никогда никакая скотина не позарится на это колючее растение**.

Между тем, диссертант более склонен думать, что характерной чертой Эйзина является умение мыслить символами. Осот - это не просто растение - а сам лирический герой, сражающийся в жестком мире (в стихотворении это "пустырь"), где господствуют наглость, лицемерие, угодничество перед начальством (подобных людей лирический герой называет "овцами"). Герой Эйзина сражается за сохранность своей духовной чистоты. Замечаем гордость и удивление лирического субъекта (наблюдающего себя как бы со стороны) за то, что он все же не сломался, не очерствел душой среди пустоты, не пал лицом в грязь. Не только стихотворение "Осот", но и многие другие произведения ("Снег", "Музыка", маленькие этюды) поэта пронизаны символичностью претворения художественной идее. Однако до сих пор никто из критиков не заметил эту основную черту его творчества. Нет ни одной работы, где были бы представлены многообразие и глубина поэтического мира П. Эйзина. То же самое можно сказать об исследовании творчества Л. Мартыановой, П. Яковлева, А. Аттила. Все, что написано об этих авторах - это десяток небольших статей, обзорные и дискуссионные статьи. Нередко они представляют поэзию вышеуказанных лириков как довольно вялый элемент литературного и общественного сознания. Не лучшее впечатление оставляют и статьи, авторы которых в угоду полемической и концептуальной заостренности рассматривают их творчество зауженно, выделяя одни содержательные качества, и оставляя в тени другие как, бы формальные, поэтому такие критики неизбежно трактуют поэтический мир этих лириков в искаженном виде.

*Васильев-Васан А. В. Чувашская поэзия 1976 г (на чуваш. яз). // Труды ЧНИИ.- в. 77.- Чебоксары, 1997.- с. 102

**Волков Л.М. Песни молодости (на чуваш. яз.) // Знамя коммунизма.- 1986.- 21 ноября.

Во многих случаях мысли о своеобразии или недостатке остаются только на словах, ибо нет тому реальных подтверждений, аргументированных фактов. На фоне далеко необъективных статей выделяются исследования Ю. Артемьева, А. Хузангая, В. Родионова, В. Чекушкина, М. Ставского, С. Садура: В этих работах нет диктования и навязывания своего мнения поэтам, то есть, авторы стараются понять поэтический мир того или иного лирика, познать их самородное естество. По мнению диссертанта, иногда случается, что и такие видные исследователи не подтверждают свою интерпретацию конкретным анализом. (К примеру, соискатель не разделяет трактовку идейного содержания стихотворении Л. Мартьяновой "Озябший человек березу срубил", представленную Ю. Артемьевым). Отсюда можно понять, что определение духовного состояния поэта и его поэтического мира является нелегкой задачей и для маститых критиков. Неслучайно отсутствуют работы, в которых творчество вышеуказанных лириков предстало бы во всем многообразии и полноте. диссертант особо выделяет сборник литературно-критических статей А. Хузангая "Поиск слова" (Чебоксары, 1983), в котором наряду с другими поэтами рассмотрена лирика П. Эйзина, А. Аттила, Л. Мартьяновой, П. Яковлева. Диссертант думает, что ограниченный объем (2-4 страницы) не позволили А. Хузангаю глубоко раскрыть поэтический мир вышеуказанных авторов. Работа критика написана в нач. 80-х гг. XX столетия, а творческий процесс поэтов (к сожалению не А. Аттила, который рано умер) продолжается до настоящего времени. Все эти и другие причины говорят о необходимости изучения поэтического мира П. Эйзина, Л. Мартьяновой, А. Аттила и П. Яковлева в полном объеме.

Вторая глава ("Взаимосвязь содержания и формы в творчестве современных чувашских поэтов") посвящена раскрытию творческой индивидуальности поэтов сегодняшнего этапа - П. Эйзина, Л. Мартьяновой, А. Аттила, и П. Яковлева. Диссертанта интересует как поэты, "работая над содержанием, работают над формой, и наоборот"; заботит то, есть ли у того или иного лирика какие-нибудь свои художественные приемы. При выяснении этих и других особенностей диссертант старается "подчиняться действию законов поэтического мира", а не подчинить его своему мировидению и мироощущению.

Данная глава подразделена на два раздела. Первый из них ("Перелом поэтического мышления в конце 50-х - нач. 60-х гг. XX в. и поэтический мир П. Эйзина") начинается с того, что диссертант, на основе других исследований, приходит к выводу, что с середины 50-х, в начале 60-х гг. (как и в литературе всего бывшего Союза) в чувашской поэзии наблюдается

тенденция нащупывании путей к внутреннему миру личности, к душе человека, к самососредоточенному слову. С мнением, что новатором в этой области является Г. Айги - согласны большинство чувашских литературоведов и критиков. Естественно, это "нащупывание путей" к собственному миру, к миру людей - состояние постоянного поиска лирического героя - не могло не отразиться и на форме стихотворных произведений, на технике письма. В творчестве Айги 50-х г.г. проявляется ряд формальных новшеств. "Первое из них - обращение к белому стиху. Второе - введение в стих новой интонации и ритма. Третье - графическое неподчинение классическому стиху (начало строк начинались не с прописных, а со строчных букв). Поэт также ввел изменения в построении строф (новые 2-, 7-, 8-, 15- строчные строфы)"*. Лирическая поэзия Г. Айги послужила началом, истоком формирования лирической поэзии и жанрового многообразия в творчестве чувашских поэтов последующего периода (после 60-х г.г.). Среди всех других выделяется имя П. Эйзина: в те застойные годы он не только сказал то, о чем многие молчали, а сумел поднять свою художественную речь на высшую ступень словесного искусства, что в чувашской поэзии встречается крайне редко. В лирике П. Эйзина поражает совершенство слияния содержания и формы (в диссертации проводится конкретный анализ стихотворения "Аркану" (Разрушение) и др. произведений). Главным мотивом творчества данного автора является то, что мир не принимает его лирического героя. (Здесь и кроется одна из основных сторон трагического мироощущения лирического субъекта).

Далее диссертант пишет о том, что первым поэтом, в чьем творчестве наиболее полно и глубоко проявилась символика, является П. Эйзин. Возникает вопрос: "А как же М. Сеспель?"

В стихотворениях М. Сеспеля (например, в "Сён Кун Аки" - Пашня Нового Дня) образы "Нового Дня", "светлого луга", "новой борозды" рассматриваются многими чувашскими критиками как символы. В то же время однозначно делается вывод, что этими образами лирический герой говорит об Октябрьской революции, о светлой вере в прекрасное будущее родного народа. По мнению диссертанта, вышеуказанные образы это не символы, а аллегорические образы. Так, в чувашском литературоведении до сих пор наблюдается тенденция неразличения и смешения понятий символ и аллегория.

*Родионов В. Г. Г. Айги и формальные искания чувашской поэзии 50-70 г.г.(на чуваш. яз.)// Хыпар.-1997.- 15 май.

Общеизвестно, они - хоть и средства иносказания, и близки, но все же между ними есть некая грань:" Аллегорический образ - своего рода хитроумная маска, за которой угадывается суть, то есть, аллегория легко расшифровывается проницатель-ным читателем. Символ же, напротив, многозначен, он содержит в себе перспективу безграничного развертывания смыслов"*.

Таким образом, символ и аллегория это не одно и то же. Так и высказывание Г. И. Федорова о том, что "...чувашская словесная культура издревле тяготела ... к символично-аллегорическому выражению мысли, к самым различным приемам иносказания"*** требует уточнения. В чувашской словесной культуре, действительно, наблюдается тяготение к аллегорическому выражению мысли, однако такого тяготения к символам нет. Как уже отметил диссертант, наиболее своеобразно проявилась символика в творчестве П.Эйзина. Только через образы-символы можно понять истинную сущность его поэзии, разгадать загадку души лирического героя.

Далее исследователь в своей работе попытался расшифровать некоторые символические образы, детали: "пастуха", "овец", "осени", "дождя", "солнца", "молнии", "костра", "снега (снежинки)", "весны" и так далее. В основном, символы Эйзина можно разделить на три группы:

- 1) олицетворяющие собой свет, добро (снег, капелька, костер, травинка, небо, цветок);
- 2) относящиеся к силам тьмы, зла (грязь, овцы, дождь, мрак, холод, лед);
- 3) и, так называемая третья группа, где невозможно однозначно определить принадлежность символа, то есть, то ли это положительный образ, то ли - отрицательный (солнце, ветер,...). В конце этого поворота мысли исследователь делает заключение: за ничего не значащим образом, словесным оборотом, стихотворением может скрываться у П. Эйзина глубокая трагедия, боль или надежда, философское размышление.

* Агеносов В. Русская литература XX века.- Ч. 1.- М.: Просвещение. - 1999.- с.71

** Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950-90 гг. Монография.- Чебоксары: Чуваш. гос. инст. гуманитарных наук.-1996.- с.158

Далее, в параграфе "Велибр Эйзина" диссертант затрагивает вопрос о природе свободного стиха, рассматривает совершенно разные точки зрения и приходит к выводу о том, что без утверждения в национальной письменной культуре строгой системы стихосложения немыслимо говорить и о верлибре. Так, первые примеры "настоящего" свободного стиха встречаем именно у Сеспеля: в стихотворных произведениях "Перекиньте мост!", "Голодный псалом". В последующем периоде (до сер. 50-х гг. XX в.) верлибр в чувашской поэзии встречается крайне редко. Лишь у Г. Айги начинает он находить свое адекватное выражение. Но первым поэтом, в чьем поэтическом мире глубоко отразился (можно даже сказать, стал фундаментом стихосложения) верлибр - является П. Эйзин.

В дальнейшем своем исследовании автор этой научной работы пытается ответить на вопрос: чем же обусловлен выбор данной формы, в какие именно моменты верлибр выходит на передний план? По мнению диссертанта, такой выбор напрямую связан с внутренним поиском, психологическим напряжением субъекта. Это подтверждает то, что свободный стих наивысшее свое развитие получает в 20-е гг. (послереволюционный период), в 50-60-е гг. (посттоталитарное время), в 90-е гг. (постсоветский этап) XX столетия. Для всех этих периодов характерны глобальные перемены в политической жизни страны: происходит духовная трансформация общества.

При определении своеобразия верлибра Эйзина выяснилось: 1) в поэтическом мире чаще всего сталкиваешься с "чистой формой" (терм. Ю. Орлицкого) свободного стиха; 2) выделяя отдельные фрагменты с помощью отступа от края строки поэт акцентирует главную мысль; 3) наблюдается противоречие: с одной стороны - нанизывая (обычно столбиком) однородные члены и создавая тем самым перечислительную цепь автор достигает эффекта "ясности", доказательности высказывания, с другой стороны, нельзя не заметить и решительного преодоления самой идеи ясности, крен в сторону ирреальности. Тень "национального" на свободные стихи Эйзина накладывает умелое обращение автора: с образной системой фольклора; алли-терациями и ассонансами, анафорой и эпифорой (поэт развивает эти стилистические приемы, например анафору, до - лексической, синтаксической, строфической и строфическо-синтаксической); в поэтическом мире данного лирика немаловажное значение имеют рефрен, различные повторы и параллелизмы. Таким образом, через творчество П. Эйзина можно судить и о национальном своеобразии современного чувашского верлибра.

Во втором разделе ("Поэтический мир Л. Мартьяновой, А. Аттила и П. Яковлева") исследуются характерные особенности других вышеуказанных лириков. В творчестве Л. Мартьяновой присутствуют поэтические формы и выражения, поразительно напоминающие художественные изыскания П. Эйзина. Особенно это заметно в произведениях, где речь строится в стиле эпиграммы, то есть, в афористическо-дидактических примерах типа пословиц из фольклора. Но здесь нет стилизации: героиня Мартьяновой подсознательно тяготеет к формам, наиболее подходящим для раскрытия своих чувств.

Главный мотив, предполагающий весь пафос творчества поэтессы - это мотив "не (-до) понимания мира". Между феноменом Эйзина (который заключается в том, что мир отталкивает лирического героя) и "не (-до) пониманием мира" Мартьяновой хоть и чувствуется параллель, есть и существенная разница: в первом случае за "миром" подразумевается - общество. А во втором - объект любви-мужчина. Взаимоотношения с этим "миром" у Мартьяновой предрешают все: если нет объекта любви, нет и лирического субъекта.

Внутреннее противоречие, также желание того, чтобы ее понимали (а не жалели!) диктует манеру речи лирической героини: речь до предела напряжена, мысль развивается контрастно (отсюда нередко парадоксальные повороты мысли). Внутреннее противоречие возникает оттого, что лирическая героиня, выбирая моральные принципы - не всегда может следовать им. В речи Мартьяновой часто слышатся нотки усталости, изнеможения от внутренней борьбы с самой собой. Она контролирует свой каждый шаг, обдумывает каждое слово, наблюдает и делает афористическо-дидактические выводы. Но дидактика Мартьяновой (как и в случае с П. Эйзином, А. Аттилом и П. Яковлевым) направлена не на объект, а обращена на себя - поэтому они не навязчивы и не раздражают читателя.

Взаимосвязь содержания и формы прослеживается в том, что внутреннее противоречие отражается и на форме отдельных стихотворений, и на форме всего творчества. Стихотворные произведения этой поэтессы не мелодичны, не напевны, ритмическое богатство не увеличивает мелодичности стихов. Она любит прерывистые, замедленные, синкопированные ритмы. Желание найти, восстановить контакт с объектом толкает лирическую героиню к лаконизму и к энергии выражения - это сказывается как на величине стихотворений, так и на их строении. В большинстве стихотворений Мартьяновой видны переходы от одних слов к другим - так лучше чувствуются смысловые очертания слов. Речь

лирической героини богата интонационными оттенками. Часто встречается несовпадение смысловой единицы (предложения) с метрической единицей (строкой). Данный прием помогает заглушевывать слишком назойливую четкость метрической, музыкальной структуры стихотворения, таким образом рифма делается менее заметной (лирической героине Мартьяновой и не нужен внешний блеск, он даже мешает ей, ведь главная ее цель - придать речи энергию выражения). В поэтическом облике Мартьяновой есть черта: она не говорит о себе непосредственно, а использует для этого иносказания. В роли иносказательного приема могут выступать не только образы, но и жанр (частушка /такмак/). Так напевность лирики для поэтессы только "хитроумная маска", за которой скрывается не только смех сквозь слезы, даже истеричный хохот, граничащий с безумием.

Лирика Мартьяновой отличается не только убедительностью, но и многогранностью проблем: это вопросы о назначении поэта и поэзии, вечные темы любви и природы, жизни и смерти, войны и мира, проблемы взаимоотношений человека и общества. Все проблемы, волновавшие человечество с давних времен, в творчестве поэтессы взаимосвязаны. В современной чувашской поэзии мало женщин-авторов, которые могли бы тягаться с Мартьяновой в художественном мастерстве. Разве что можно сравнить ее творчество с русскими творцами, как А.Ахматова и М.Цветаева. Читая стихи этих классиков русской лирики достаточно ясно представляешь образ женщины, способной полно и безоглядно отдаться любовному порыву, концентрируя в нем все свои душевные силы. В этом отношении лирическая героиня Л.Мартьяновой тождественна с лирическими субъектами вышеуказанных авторов. Но, если первые - "оголяют" свои чувства перед читателем, объектом любви, то наша героиня, как истинно чувашская женщина, старается держать себя в руках (хотя и бушует внутри ураган), редко когда открывает свое сердце. Поэтому в том, что объект любви ее не понимает, есть и собственная вина (что осознает и сама Мартьянова). Таким образом, лирическая героиня пребывает в постоянной психологической напряженности, связанной с необходимостью постоянного внутреннего выбора. Внутреннее состояние лирической героини раскрывается через детали. Причем одна деталь может иметь несколько вариаций: сивĕ алă (холодная ладонь), кăварпа пиçнĕ алă (обожженная золой ладонь), ачаш алă (нежная ладонь), шурă алă (белая ладонь) и т.д.

По своему мировоззрению, миропониманию и мироощущению лирический герой А.Аттила заметно отличается от субъектов Эйзина, Мартьяновой и Яковлева. В беспорядке (имеется ввиду беспорядок в об-

шестве, в личной судьбе) он не видит трагедии ; это, по его мнению, начало чего-то большого, прекрасного. Так одним из ведущих мотивов в творчестве Аттила является - рождение красоты из некоего первоначального хаоса. В стремлении к празднику сердца, к простору души и жизни Аттила можно сравнить в русской лирике с Н. Языковым. Но общий пафос у нашего поэта не доходит до той русской удали, бесшабашности, яркого огня и света Языкова. В лирике Аттила чувствуется та тяга к всеобщей гармонии, собранности, сдержанности, умение держать себя в руках, удивительная духовная выдержка - которая характерна для менталитета чувашского народа. Преодоление себя, сохранение жизнеутверждающего начала в любой трудной ситуации - предстают как очевидность в его слове (связь содержания и формы показана на примерах анализа стихотворений: "Лупасай пўлминче шуштупань пулнй ман", "Балетран"). Способность видеть в "черном" "белое" стала пронизывающим все творчество А. Аттила пафосом. Поэтический мир данного поэта "соткан" весь из света. Образ "света" - это не просто излучение, сияние, а начало чего-то самого большого, главного (или, вообще: начало начал). Значение образа "света" А. Аттила не помещается в одно слово, строку, строфу, в одно стихотворение, "тесно" ему даже и во всем поэтическом мире творца .

Как никто другой этот лирический субъект чувствует скоротечность времени, краткость, человеческой жизни. Поклонение жизни , красоте , гармонии (они у него синонимичны) - один из главнейших мотивов в творчестве Аттила. Лирический субъект предстает как ребенок, впервые открывающий мир. Поэтому из строки в строку развиваются образы "цветочка", "бабочки", "чистоты", "ребенка", "снежинки", "песни", "солнышка", "весны" (и нет ни одного негативного образа). Жизнь у А. Аттила всегда побеждает мрак, холод, смерть. Так музыка, свет, красота составляют фундамент его поэзии.

При анализе поэтического мира П. Эйзина диссертант обратил внимание на неповторимость смыслового содержания поэтических образов, заключенных в плане (именно эта связь в его творчестве наиболее тесная). Что же касается П. Яковлева, то здесь смысловое содержание поэтизмов трудно "втиснуть" в рамки отдельного стихотворения.

А. Хузангай в творчестве П. Яковлева видит признаки романтики, он пишет, что поэт в этой красивой и жестокой жизни горит каким-то внутренним огнем*.

*Хузангай А. П. Поиск слова. Литературно-критические статьи .- Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во.- 1997.- с. 117

Действительно, лирический субъект П. Яковлева уже в детстве отличается от других: крайне он чувствителен к боли ближнего (будь-то человек, растение или жи-вотное), умеет видеть красоту в обыденном. В детстве же лирический герой поэта начинает стремиться к "светлой поляне", к "сказочному замку", то есть, к миру без жестокости и зла, но, не встретив его в реальности, придумывает этот мир и начинает в нем жить. В творчестве П. Яковлева хорошо заметны признаки романтики, как то: абсолютизация личностного начала, двоемирие, местный колорит.

В поэтическом мире данного поэта встречаемся с "добровольно выбранным одиночеством" и - с "вынужденным". На начальном этапе "одиночество" выступает для лирического героя как "минарет духа", как необходимое звено в осмыслении мира и себя в нем. Оно является своеобразным средством раскрытия новых форм свободы, дающих ему независимость. В выбранном одиночестве лирический субъект находит утешение, одиночество - это ширма, заслоняющая его от суеты повседневности. Свобода, свободолюбие, желание не подчиняться никому другому, ничему земному - вот главная причина тяготения лирического героя (начального периода) к уединению, здесь много общего с философской концепцией Н. Бердяева. В понимании Н. А. Бердяева одиночество выражается через свободу. Он считает, что личностью можно стать через момент одиночества - именно в одиночестве переживается единственность и неповторимость человеческого "я", а потому свободный человек и стремится к одиночеству*. Так одиночество для лирического героя на раннем периоде - это субъективное переживание, а не внешнее состояние. То, что одиночество не в тягость, чувствуется в речи героя: стихотворения раннего периода отличаются необычайной легкостью, напевностью - это создается строгой ритмикой, полнотой рифм, игрой интонации и звуков.

На более позднем этапе "одиночество" для героя выступает как негативное состояние: здесь мало добровольности - больше вынужденности. Тип одиночества последнего периода в творчестве П. Яковлева можно трактовать как моральное, так как в данном случае герой не соотносится с господствующими в обществе ценностями и идеалами. Доминирующим пафосом в книге "Савра куле" (Круглое озеро) становится па-фос ненужности его духовной чистоты, теплоты, потери смысла жизни в черством обществе.

* Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). - М.: Книга. - 1991. - с. 23-24

Наверное, поэтому лирический герой П. Яковлева пытается обратиться к православной религии. В его творчестве по-являются библейские образы (Христос, Божья мать, Понтий Пилат, Дьявол) и детали (всемирный потоп, церковь-храм, алтарь, крест, икона, свечка). Таким образом, лирический субъект этого поэта хочет найти смысл жизни. Освободить душевную рану от вынужденного одиночества. Он часто обращается к Богу. Но в его взываниях к Всевышнему - нет настоящей веры. Это - богоискательство. Единственно неизблемыми в невыносимой ситуации остаются образы Матери и родного дома.

Содержание творчества снова отражается на форме. На передний план выходит образ "пустыни", очень часто мельтешит "черный" цвет: хура хёрес (черный крест), хура хёвел (черное солнце), хура вут (черный огонь) и др. Стихотворения последних лет все чаще обрываются с полуслова. Лирический субъект то восклицает, то вопрошает (встречается много вопросительных, восклицательных и побудительных предложений). Обилие многоточий придает мелодике стихов оттенок грусти, недосказанности чего-то главного, а то и вовсе молчание. Чувствуя, что его не понимают, поэт часто выделяет образы с двух сторон знаком тире, те слова и обороты, в которых утаена главная мысль - боль. Стихотворения последних лет уменьшаются по объему, но увеличивается в них концентрация мысли.

В творчестве П. Яковлева ясно представлено "двоемирие" - если у М.Сеспеля эти "миры" строго противопоставлены, то у П. Яковлева они не перечат друг другу (тут мы видим синтез земной и вымышленной жизни).

Своеобразие системы образов у П. Яковлева раскрывается в таких мстафорах, сравнениях и олицетворениях, где главное место занимают абстрактные слова. На всем протяжении творчества природа у поэта не теряет своей ценной роли. Причину ожесточения общества он видит в ослаблении контакта человека с природой. По мнению лирического субъекта П. Яковлева, нет будущего у того общества, где потеряна связь между поколениями. Таким образом, в творчестве этого поэта можно проследить все основные признаки романтического стиля: лирический субъект П. Яковлева - романтик, какого больше нет в чувашской лири-ке.

Творчество П. Яковлева выделяется на фоне чувашской медитативной лирики широтой тематики и глубиной мышления. Медитативная лирика здесь оригинальна еще в том отношении, что лирический субъект не говорит об извечных темах непосредственно, а ставит конкретные философские вопросы. Лирический герой не довольствуется только выдвижением вопросов, он упорно ищет на них ответы. В плане ответа на вопрос "как

прожить жизнь?" и в разрешении этой проблемы - медитативная лирика П. Яковлева то-ждественна с лирикой Эйзина, Мартьяновой и Аттила. Все лирические герои приходят к единому мнению: как бы ни трудно не приходилось в жизни, не надо терять облик человека. Эта особенность (и трагическое мироощущение) позволяет ставить и исследовать творчество Эйзина, Мартьяновой, Аттила и Яковлева в одном ряду.

Другой общеобъединяющей стороной их поэтических миров является то, что лирические герои этих авторов - глубоко трагедийные субъекты, что можно сравнить в чувашской поэзии только с М. Сеспелем.

Один аспект ("неприятие мира", "непонимание мира", "вынужденное одиночество") трагического мироощущения мы рассмотрели в данной главе. Но, исчерпывается ли этим трагедия лирических героев П. Эйзина, Л. Мартьяновой, А. Аттила, П. Яковлева, не исключаются - ли другие аспекты? Об этом и идет речь в третьей главе ("Истоки трагического мироощущения современных лирических субъектов"). По мнению диссертанта неприятие мира, непонимание мира, одиночество, безответная любовь - не единственные факторы трагического мироощущения современных чувашских лириков. Вероятно, существует и иная сторона. Чтобы понять это исследователь данной научной работы обращается к интерпретации В. Г. Родионова о трагедии М. Сеспеля. Ученый считает, что и болезнь, и несчастная любовь, и голод факторы дополнительные, а не главные. Суть трагедии поэта В. Г. Родионов мотивирует быстрой сменой парадигмы чувашской национальной культуры в нач. XX в. Это "в условиях социальных катаклизмов привело некоторую часть национальной интеллигенции (в первую очередь зачисляет он сюда М. Сеспеля - Н. И.) к большой трагедии: они научились мыслить по-европейски очень быстро, но воспринимали действительность по-старому, по-чувашски"*.

То же самое внутреннее противоречие наблюдается и в творчестве лириков нашего времени. С одной стороны - лирические герои не "оторвались" еще от "восприятия мира по-старинному", с другой стороны - у них хорошо заметен и европейский тип мышления, западное влияние. Далее диссертант прослеживает исконно-чувашский и европейский типы мышления в творчестве поэтов последнего этапа. Национальный тип мышления проявляется:

--в стремлении к достижению гармонии общающихся сторон. Это - стремление не обидеть, не унижить другого субъекта - обычно заставляет

*Родионов В.Г. О типах чувашского национального мышления // Известия НАНИ ЧР. - 2000. - №1. - с.18-25

современных лирических героев маскироваться под "эпир" (мы) - вместо "ты", "вы", то есть, обращение не имеет конкретного адресата;

--для лирических субъектов вышеназванных поэтов, как и для истинного чуваша, важно сохранение связи с природой. Более того, мир природы для них даже ближе, чем мир людей. Очень часто они находят утешение именно у природы;

--у чувашей весьма сильно развито чувство социальной справедливости и общинного равноправия, в таком обществе полностью презирается индивидуально-эгоистическое начало. Так в стихотворных произведениях чувствуется, что чувашские авторы презирают эгоизм богатых, знатных, также не находят у них уважения и гордые (имеется в виду не достоинство, а глупая гордыня), и нищие духом;

--по представлению чувашей время движется не линейно, а спиралеобразно: по кругу, но в каждом случае на новом уровне. Лирические субъекты П. Эйзина, Л. Мартьяновой, А. Аттила и П. Яковлева видят гармонию в неразрывной связи поколений, они верят в бессмертие души, ее перевоплощение;

--родной дом, семья, родная деревня, община, пахотные земли, кладбище - считаются для чуваша священными составляют своего рода микрокосм. А овраги, омуты, дремучие леса - это мир нечисти, чуждый мир. Так получают противоположные друг другу два мира, что отчетливо прослеживаются в национальной письменной культуре (в том числе и в современной чувашской лирике).

В поэтическом мире П. Эйзина в роли границы своего микрокосма служит одинокая липа, стоящая сразу за околицей, у Мартьяновой чужой мир начинает стилаться с чащоб, у Аттила - с угрюмого леса. П. Яковлев несколько отличается от других лирических героев: для него "холодный" мир начинается только за пределами чувашской земли. Но, чувашская земля и составляющие ее объекты считаются для лирического героя этого поэта своим миром только в горизонтальном отношении, а в вертикальном - нет. Таким образом, в пространственном отношении лирические субъекты все время стараются придерживаться родного дома, деревни, полей и лугов (то есть, своего микрокосма). И не увидишь, чтобы они спускались в глубокие овраги, заходили (кроме героя П. Яковлева) в дремучие леса. Выпесказанное позволяет сделать вывод: мышление у современных героев имеет чувашский характер, воспринимают они действительность по старинному (естественно, это сохранилось на подсознательном уровне).

Тем не менее, по мнению диссертанта, это лишь одна сторона. Наряду адиционным типом мышления прослеживается и западный тип мышления.

Он проявляется в том, что лирическое "я" выходит на передний план и все действия происходят вокруг него, он - центр вселенной. Также, параллельно с исконным чувашским восприятием времени как спиралевидного движения, существует у лирических героев понимание его как и линейное. Отсюда ощущение быстротечности времени, безвозвратности всего того, что имеет жизнь.

Если посмотреть на художественный язык современных поэтов, то замечаешь ту же особенность: син хронно отражаются два разных типа мышления. Итак, современные лирические герои находятся между двумя разными социокультурами.

Все вышесказанное позволяет говорить о категории межсостояния. Мы выделили межсостояния, которые характерны для всех субъектов, и присущие только одному лирическому герою. Первый тип состояния связан с образом "дороги" (лирические субъекты не стоят на месте, но и в долгом пути их не встретишь). Другим общеобъединяющим межсостоянием является та особенность, что герои постоянно находятся, живут где-то на границе света и тьмы, добра и зла. Далее выявляются свои "личные" межсостояния современных лирических героев. Диссертант приходит к выводу: чем больше этих межсостояний, тем глубже трагедия, тем острее лирический субъект чувствует разницу между жизнью и смертью. (Все же у Мартяновой, трагедия, исходящая от непонимания объекта любви тяготит не меньше. Может быть даже лирическая героиня, живя между этими двумя одинаковой тяжести трагедиями - находится в более невыносимой ситуации. Потому речь поэтессы до предела напряжена). Таким образом, понятие межсостояния чрезвычайно тяготит, рождает у лирических героев (кроме А. Аттила: он в сегодняшнем хаосе видит грядущую гармонию, см. выше) внутреннее противоречие. Противоречие больше всего, проявляется в контрастном развитии образов (в работе дан конкретный анализ).

В заключении подведены итоги исследования. Сданы выводы о поэтическом мире П. Эйзина, Л. Мартяновой, А. Аттила, П. Яковлева и др. На основе исследования творчества вышеназванных авторов можно судить о таких тенденциях современной чувашской лирики, как символично-аллегорическая иносказательность, романтическое восприятие действительности, медитативность мышления. На передний план выходит интимная и пейзажная лирика. В моменты наивысшего духовного поиска поэты из всех видов стихосложения предпочитают свободному стиху. Таким образом, 1960-90 г.г. можно характеризовать как плодотворный и качественный этап в развитии чувашской поэзии.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Сходство и различие поэтики М.Сеспеля, П.Эйзина и П.Яковлева (на чуваш.яз.) // Ытлари.-1998.-с.73-74.
2. Некоторые тенденции современной чувашской лирики (на чуваш.яз.) // Ытлари.-1999.-с.87-90.
3. Символ и образ ... (на чуваш. яз.) // Ялав. - 2000. - № 11- с. 93-96.
4. "И снова Волга словно море " (на чуваш. яз.) // Ялав. 2001. - № 10. - с. 68-70.
5. Поэтический мир Л. Мартьяновой (на чуваш. яз.) // Родная Волга. - 2001.- № 12. - с. 71.
6. "Горит белый-белый свет": О своеобразии творчества А. Аттила (на чуваш. яз.) // Ялав.-2002.- (в печати).
7. Истоки трагедии современных чувашских лирических героев (на чуваш. яз.) // Родная Волга . - 2002. - (в печати)

